

РОЛЬ ВИЛЬНИ В ВОЗРОЖДЕНИИ БЕЛОРУССКОЙ ПЕЧАТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИДЕЙНЫЕ И ПЕРСОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

ЛАРИСА ДОВНАР

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Кафедра теории и истории информационно-документных коммуникаций
ул. Рабкоровская 17, Минск, 220007, Республика Беларусь
E. mail: loradounar@gmail.com

В статье рассматривается роль Вильни как общего культурного пространства в генезисе национальной формы белорусской книжной культуры. Прослеживается путь формирования национального самосознания, национальной идеи белорусов в среде доминировавших типов культуры (польской, русской), различных политических течений, в которых важнейшая роль отводилась национальной печати. Особое место занимает рассмотрение развития периодической печати на белорусском языке в начале XX века («Наша Доля», «Наша Нива») в многонациональной виленской среде. В первую очередь показаны белорусско-литовские идейные и персональные взаимосвязи, подтверждаемые издательской деятельностью.

Ключевые слова: белорусская печать, национальное возрождение, межнациональные связи, политические партии, белорусская культура, национальное самоопределение, Белорусская социалистическая громада, Вильня.

В данном исследовании основной целью было показать Вильню как общее культурное пространство разных народов (литовцев, поляков и белорусов), идейные и персональные связи между которыми способствовали становлению и развитию белорусской национальной печати, сыгравшей определяющую роль в становлении белорусского языка, литературы и белорусской нации.

1. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ВОПРОСА

Тема «Вильня и белорусы» в широком аспекте, а также во всевозможных интерпретациях и направлениях -- историческом, политическом, религиозном, культурном, литературном и т. д., в том числе и в историко-книговедческом, волновала не одно поколение обращавшихся к ней белорусских исследователей. Конечно, и

литовцы, и поляки могут привести не один десяток подобных работ, посвященных Городу и принадлежности Городу. Но можем ли мы сегодня говорить о Вильне как о некоем едином культурном пространстве, не задевая национальных чувств, рассматривать национальное развитие, не отдавая предпочтения той или иной культуре? Сложно... Нас разделяют границы, культурные традиции, национальные стереотипы, личный опыт и т.д. Что же нас объединяет? Объединяет потребность вырваться из узко национальной культурной среды в общее культурное пространство, находящееся во взаимодействии и взаимовлиянии.

XIX в. – начало XX в. – эпоха созидания наций и эпоха национального размежевания; эпоха восхождения национальных личностей и эпоха личных трагедий. Поиск своего национального «я» для белорусов был да и остается едва ли не самым сложным и одновременно, смею предположить, одним из наиболее приближенных к культурному универсуму, восхождение к которому, на мой взгляд, обусловлено двумя факторами: сосуществованием в многонациональной среде и сохранением культурной толерантности. Парадоксальным дуализмом характеризовалось и развитие белорусской книжной культуры – от рукописной до печатной книги, от Франциска Скорины до «нашенинцев» – и так до наших дней. В среде более сильной культурной традиции, доминирующей в то или иное время, национальное «я» принимает её форму, сохраняя при этом своё содержа-

ние. Государственные границы как Речи Посполитой, так и Российской империи, включавшие и белорусские земли, только укрепляли экспансию того или иного типа культур, той или иной формы. Поэтому каждое новое возрождение требовало изменения формы и приводило к очередному поиску своего национального «я»: через взаимосвязи с другими народами в рамках того или иного культурного контекста и с завидным постоянством притягательного центра – Вильни (Вильнюса), представляющей собой общую культурную память, общее культурное пространство.

2. ИДЕЙНЫЕ ИСКАНИЯ И СВЯЗИ, ПОДКРЕПЛЁННЫЕ ПЕЧАТНЫМ СЛОВОМ

2.1. Генезис национальной формы белорусской книжной культуры и Вильня

Практически на протяжении всего XIX в. формирование национального самосознания, национальной идеи, как у белорусов, так и литовцев, развивалось в польской среде в ответ на российскую экспансию (языковую, религиозную, культурную). Доминирующим типом культуры оставалась польская, приняв форму которой развивались и литовская, и белорусская книжная культура, взявшие за основу просветительское направление.

Для первой половины XIX в. характерно проявление общности творческих и идейных целей местной интеллигенции, в первую очередь виленской – это общества филаретов и филوماتов Виленского

университета, «Демократическое общество» Виленской медико-хирургической академии, «Братний союз литовской молодёжи», следовавших польской культурной традиции и возлагавших надежду с помощью художественного слова распространять нравственность и просвещение среди крестьян, содействовать взаимопониманию между паном и крестьянином [10, 52].

В это время в Вильне была предпринята первая попытка возобновления белорусского печатного слова в виде отдельного издания, которым явился катехизис – “Krótkie zebranie nauki Chrześcijańskiej. Dla wieśniaków mówiących językiem polsko-ruskim wyznania Rzymsko-katolickiego” [9, 238], – изданный латиницей в 1835 г. в Типографии ордена миссионеров (диацециальной).

В 1850–60-е гг. польско-белорусско-литовское идейное взаимодействие в области печатного слова наиболее ярко проявилось в деятельности Винцента Дунина-Мартинкевича, Миколая Акялайтиса, Адама Киркора, Винцеся Коротынского, Кастуся Калиновского. Так, в 1850-е гг. Адам Киркор и Миколай Акялайтис планировали издание в Вильне народных библиотечек для Литвы и Беларуси. Правда, в типографии А. Киркора вышло только 5 литовских книг, адресованных крестьянству. М. Акялайтис занимался рецензированием (“Rap Tadeusz” Адама Мицкевича в переводе Винцента Дунина-Марцинкевича) [19] и переводом белорусских произведений („Pasaka senelio“ – “Нутарка старога дзieda”

[10, 53]. К белорусскому и литовскому языкам в период восстания 1863 г. обратился Подпольный Литовский комитет в Вильне, возглавлявшийся К. Калиновским [8, 24]. На белорусском языке латиницей выходила в 1862–1863 гг. и первая белорусская политическая газета “Mużyskaja praŭda” (№1–7), последний, седьмой, номер которой, как предполагается, вышел в Вильне в Зареченской подпольной типографии [8, 29]). В 1864 г. в Сувалях М. Акялайтис, как и К. Калиновский, пробовал печатать нелегальную газету „Župnia arej Lenku wajna su Maskolejs”. Вместе с тем официальными органами повстанцев в Литве и Беларуси оставались газеты на польском языке – “Chorągiew Swobody” и “Głos z Litwy”.

После подавления восстания российская экспансия принимает наиболее радикальные формы, что находит отражение в запрещении печатного слова – польского (1864) и литовского – польско-латинским шрифтом (1865), повлёкшие в свою очередь развитие эмиграционной печати, ещё теплившей надежду на возрождение былой государственности Речи Посполитой и ВКЛ. Так, в 1870 г. в Цюрихе выходит польско-литовско-белорусская (или украинская) газета “Zmowa – kupis – susitarimas – hromadzki zhovor (ogłoszenie)” [9, 266]. В программе газеты было заложено не только стремление к союзу народов Польши, Литвы и Руси, но и право на самоопределение народов, входивших когда-то в состав Речи Посполитой: «разве польский народ <...>, став настоящим хозяином своего будущего, разве он захочет перечить Украине, Белару-

си и Литве получить такие же права?» [6]. Интернациональное единство, свобода, равенство и братство, провозглашенные в издании, засвидетельствовали о выходе на новый этап революционно-демократического движения [2, 51].

Продолжением и примером подобного взаимодействия поляков, литовцев и белорусов стали вышедшие в начале 1892 г. тильзитские издания социалистического характера: одно на белорусском языке – “Dziadźka Anton, abo Hutarka ab ūsim czysta, szto balić, a szamu balić – nie wiedaim...” (известны и наиболее ранние издания: на кириллице – Слуцк, 1885; на латинице – Львов, 1886) и два на польском – “Kilka uwag” и “Jan Skiba” [23, с. 22], напечатанные в типографии Мартинаса Янкуса (Крывіч. 1926. №1. С. 106) [11] Марьяном Абрамовичем. В 1892 г. “Przedświt” (№ 35. С. 1) поместил в связи с этим следующую информацию: «В последнее время мы получили три новых издания, которые выпустила в свет краевая организация в подросийской Польше [на изданиях была указана несуществующая тайная типография Марии Красовской в Вильне – Л.Д.]. <...> Все три книги отличаются очень хорошей печатью и даже сброшюрованы. Деятельность наших товарищей заслуживает настоящего уважения. Энергия, которую проявляет тайная типография, достойна подражания» [23, 28]. Известно, что до начала мая 1892 г. М. Абрамович передал для печати М. Янкусу ещё некоторые издания на польском, русском и еврейском языках [23, 28–29],

а, возможно, и белорусском, как об этом вспоминал сам литовский издатель: в типографии Шенка за деньги, полученные Абрамовичем из Минска, были напечатаны 3–4 первые брошюры латинским шрифтом, в их числе – белорусский лемантар и ещё две брошюры [11]. Возможно, среди них была и “Skrypaczka Białaruskaja” Ф. Богушевича. В типографии М. Янкуса книги, временно складировавшиеся для переправки в Польшу, были во время одного из обысков конфискованы, но благодаря усилиям Александра Сулькевича, лидера ППС, прусские власти их всё же вернули [23, 29]. Из отчетов ППС также известно, что в 1895 г. через переходный пункт около Таврогов возле прусской границы были переправлены 332 экз. каких-то белорусских изданий (?) [23, 29].

В начале 1890-х гг. виленский адвокат, бывший участник восстания 1863 г., Франтишек Богушевич, благодаря польско-белорусским виленско-краковским книгоиздательским связям, а именно поддержке Зигмунта Нагродского, Яна Карловича, Владислава Анчица, а также Р. Никульского, свои произведения издает в Кракове – “Dudka białaruskaja” (1891, 1896); “Tralalonaczka” (1892), “Smyk Białaruski” (Познань (?), 1894), в которых заявляет о существовании самостоятельного белорусского этноса, его этнической территории, языка, пробует сформулировать основы национального самосознания белорусов.

Одновременно в 1870–1890-е гг., когда в национальное движение вливается уже не столько шляхта и духовенство, воспитан-

ные под воздействием польских традиций, а главным образом – разночинцы, происходит формирование еще одного идейного направления, ориентирующегося на полную независимость и самостоятельность. Благоприятной средой для национального развития литовцев в этом направлении оказалась Восточная Пруссия (Прусская Литва), для украинцев – Австрийская Галиция. Начинают издаваться национальные по форме и содержанию периодические издания (украинская “Грамада”, литовские „Vaivas”, „Aušra” и „Ūkininkas”). Что касается традиции литовской книжности, то она не прерывалась со времён Возрождения, а в первой трети XIX в., как свидетельствует Леон Василевски, увидели свет 70 литовских изданий [25], укрепивших латинскую форму и национальное содержание.

Вся же территория Беларуси оставалась только в пределах Российской империи под мощным влиянием русификации (религиозной и языковой). Уходить было некуда, нужно было возвращаться из внутренней эмиграции, которая требовала определения той или иной формы: польско-латинской или русской. Традиция белорусскоязычной книжности оказалась по сути прерванной, а её кириллическое наследие зачислялось к русскому, латинское – к польскому, что затрудняло выбор той или иной формы, а тем более создание собственной. Сказывалась и близость белорусского и русского языка.

В 1884 г. белорусские народники выпускают русскоязычную газету “Гомон” (С.-Петербург), а также издают, как

предполагается, в Вильне в этом же году “Программу” подпольной организации “Народная Воля” (управляющий орган – Центральная группа – находился в Вильне) [21]. Таким образом, если газету-листовку “Mužuskaja grajda” писали и издавали белорусы-католики польской культуры, то среди белорусских народовольцев-гомоновцев появилась белорусская православная интеллигенция. Если первые ещё оглядывались на Польшу и на традиции ВКЛ, то вторые, игнорируя традиции польские, шляхетские и литовские, соединяли судьбу Беларуси с Россией [20]. Очевидно, что свои всходы дала российская культурная экспансия. Однако использование новой формы и влияние русской среды не столько мешало сохранять и развивать содержание национальной идеи, сколько вывело на еще один её вариант – союз народов России.

Под влиянием как русских, так и украинских освободительных идей, продолжалось формирование и собственной белорусской языковой формы. На протяжении XIX в. и до 1904 г. было издано около 40 названий книг и брошюр на белорусском языке: около половины вышли на латинице за границей Российской империи, немногим больше – на кириллице в пределах Российской империи. Основная тенденция в развитии белорусского печатного слова – это его присутствие в польскоязычных и русскоязычных изданиях или включение в них. Количество изданий постепенно увеличивается (во второй половине XIX в. их количество составило более 200 изданий,

что почти в четыре раза превысило подобные издания первой половины XIX в.). Раздвоение формы и раздвоение идейных направлений были связаны у белорусов ещё и с религиозным раздвоением (в основном, католиков и православных).

Интересно, что белорусы-католики в российской среде продолжают развивать национальную идею и создают самостоятельную партию – Белорусскую революционную громаду (1902 г.), переименованную в 1903 г. в Белорусскую социалистическую громаду (БСГ). Перемещение ее центра деятельности в Вильню содействовало тому, что эта первая политическая белорусская организация смогла развить до уровня мировоззрения национальное культурно-просветительское движение. У истоков организации стояли белорусы братья Луцкевичи, Вацлав Ивановский, Алоиза Пашкевич (Тётка), литовец Александр Бурбис, как говорил о нём Степонас Кайрис, “летувіс з прозвішчам і беларус з пераканання” [7, 14]. Издательская деятельность была начата с выпуска воззваний на белорусском и литовском языках. В воспоминаниях А. Луцкевича отмечается, что в переводах на литовский язык БСГ оказывал помощь Вацловас Биржишка, «да и он же брался и за печать» [12, 32–33]. Так, в 1906 г. совместными усилиями была издана брошюра на литовском языке – «Как нужно проводить забастовку», которую, видимо, печатали в подпольной типографии АСДП, являвшейся в то время одной из сильнейших политических групп в Вильне [7, 14].

2.2. Периодическая печать на белорусском языке в многонациональной виленской среде (между культурной толерантностью и национальным самоопределением)

Перемещение центра белорусского движения в Вильню содействовало появлению первой легальной белорусской газеты, которая вышла 1 сентября 1906 г. под названием “Наша доля” (по предложению Ивана Луцкевича [12, 35]). Свидетельство № 11532 виленского губернатора, дающее право на издание и редактирование еженедельной общественно-политической и литературной газеты «русскими и польскими литератами», было выдано виленскому жителю Ивану Адамовичу Тукеркесу [1, 213].

Фактически газета являлась органом нелегальной БСГ. Идейными организаторами и участниками издания первых 4-х номеров были Алоиза Пашкевич (Тётка), Иван и Антон Луцкевичи, Якуб Колас, Ядвигин Ш., Ф. Уместовский. Газета отличалась остро публицистическими материалами, критиковавшими самодержавие. Нередко размещала материалы просветительского характера из области политики, культуры, образования, сельского хозяйства. Значительное место в газете отводилось литературно-публицистическим и литературно-художественным произведениям, публикациям материалов из других виленских периодических изданий: „Naujoji Gadyne“, “Kurjer Litewski”, “Echo”, “Volkszeit”, “Северо-Западный Голос”, “Свободное Слово”, “Страна”, “Понедельник”,

“Смоленский Вестник”, “Речь”, “Товарищ” и др.

После выхода четвёртого номера произошёл раскол в редакции (1, 3, 4 номера подверглись конфискации) и было объявлено от имени редакции о прекращении издания, но редактор-издатель Иван Тукеркес попробовал продолжить издание самостоятельно. В пятом и шестом номерах “за редактора” выступал уже Адам Гедвилло. Изменилось, не в лучшую сторону, содержание текстов и качество языка газетных публикаций (сказалось слабое знание белорусского языка). Особенно пострадал литературный отдел газеты. 1-м декабря этого же года датирован последний печатный номер газеты «Наша Доля».

«На страницах “Нашей Доли” белорусская идея выступала, в первую очередь, как идея социального освобождения белорусской бедноты от российского царизма и помещиков. Собственно национальный компонент белорусской идеи рассматривался, скорее, как средство социальной мобилизации белорусского крестьянства на политическую борьбу. Фактически, была сделана попытка сформулировать социалистический вариант национальной идеи» [22, 305].

После первой попытки издания белорусской газеты была предпринята вторая – с 10 (23) ноября 1906 г. в Вильне начал выходить еженедельник “Наша Нива”, редакцию которого составило большинство сотрудников, покинувших “Нашу Долю”. Газета, учтя предыдущий опыт, перешла на более либеральные позиции, надеясь

использовать политические изменения, которые принесла революция [26].

На протяжении 1906–1915 гг. второе детище БСГ не только существовало, но сумело стать центром белорусской национальной жизни. В отличие от “Нашей Доли” программа “Нашей Нивы” была рассчитана на весь белорусский народ, предназначалась всем белорусам и сочувствующим им. “Нашенивцы” обещали стремиться к тому, чтобы “усе беларусы, што ня ведаюць, хто яны ёсць, – зразумели, што яны беларусы <...>” [13].

Первым редактором-издателем газеты был отставной титулярный советник, виленский дворянин Сигизмунт-Владимир-Юльян Францевич Вольский [1, 223], а немногим позже – Александр Власов (с №5 от 8.12.1906). С № 10 от 7 марта 1914 редактировал “Нашу Ниву” живший тогда в Вильне белорусский поэт Янка Купала, а с 16 мая 1914 г. и до конца её существования он был ещё и издателем газеты. В редакции работали лидеры БСГ братья Луцкевичи, Всеволод Ивановский, Алоиза Пашкевич. Редакторами отделов в разное время были Я. Купала, Я. Колас, З. Бядуля, Х. Имшенник, Ядвига Ш., В. Ластовский, С. Подуян, А. Бульба и др. Вокруг газеты группировались авторы (более 3 тысяч) всех религиозных конфессий и направлений, которые выступали за культурно-национальное возрождение Беларуси. Редакция последовательно пропагандировала концепцию единства белорусской нации, культурно и духовно отличавшейся от польской и российской. Важнейшим

направлением в газете оставалось культурно-просветительское, ориентированное на популяризацию книжных знаний, создание библиотек, школьного образования на родном языке, возобновление высшего образования – Виленского университета, распространение исторических знаний, освещение национальных вопросов других народов, развитие национальной белорусской литературы и т.д. Постоянными в газете были корреспондентские рубрики “З Беларуси и Литвы», информационные известия из других периодических изданий “З усих старон”. В статье “Год выдання «Нашай Нивы» (№ 33 от 10 ноября 1907 г.) было обозначено кредо газеты: “свайго не цурайся – чужому навучайся!”.

Однако на появление в продаже газеты “Наша Нива”, как вспоминает Кветка Витан [4, 61], виленчуки почти не обратили внимания. Полонизированная городская среда с пренебрежением говорила, что это “chlōpska gazeta”. Со временем газете всё же удалось привлечь к себе не только внимание, но и передовую польскую и российскую интеллигенцию.

“Нашенивцы” поддерживали также личные связи с рядом известных литовских деятелей культуры. Так, А. Пашкевич, жена литовского революционера Стяпонаса Кайриса, поддерживала дружеские связи с Йонасом Билюнасом, его женой Юлией Билюнене, Людасом Гира, участвовала в работе литовского культурного общества “Рута”. Она не раз обращала внимание на то, что белорусам есть чему поучиться у

литовских друзей. Одним из первых переведённых белорусских произведений на литовский язык этого периода было именно стихотворение Тётки “Хрэст на свабоду”. Автором перевода был К. Стикляус, а литовскоязычное издание было напечатано в 1906 г. в подпольной типографии ЛСДП в виде нелегальной листовки „Vakarìnės paūjienos” (под псевдонимом Кас в 1908 г. вышло в сборнике песен, изданном в Петербурге) [10, 63–64].

Газета “Наша Нива”, а также подготовленные её редакцией книги на белорусском языке издавались в литовской типографии Мартина Кухты, деятельность которой иногда приостанавливалась в связи с цензурными гонениями. Так, № 33 газеты “Наша Нива” за 10 ноября 1907 г. был напечатан в типографии И. Блюмовича. В 1914 г. в типографии М. Кухты на русском, польском, литовском, белорусском и еврейском языках появилось и такое совместное издание Художественного общества, как сборник “День искусства. Dzeń artystyczny. Meno diena. Дзень штукарства” (Вильня, 8 декабря, 1914), в который были включены произведения М. Чюрлёниса, В. Брюсова, Л. Узембло, К. Гжымайло, З. Жвикося, Я. Купалы, Цви Гиршкана, З. Бядули, А. Гаруна, И. Патамсиса и др.

Белорусские книги продавались, в следующих виленских книжных магазинах, как сообщается в объявлениях газеты в № 8 за 11 марта 1908 г. – В. Маковского, М. Песецкой-Шлапялис, “Летува”, Карабасникова; № 2 за 17 ноября 1906 г. – “Знание”.

С “нашенивцами” сотрудничали Микалоюс Чурлёнис, Мария Ластаускене, София Пшибиляускене (Лаздину Пяледа), Г. Ландсбергис-Жямкальнис, А. Якштас, Стасис Шимкус и др. Виленская квартира Ластовских, которая находилась при белорусском книжном магазине и редакции “Нашей Нивы”, являлась своеобразным белорусско-литовским творческим клубом [10, 64–69]. В 1910 г. А. Гира, который хорошо владел белорусским языком, переводил произведения Я. Купалы на литовский язык и популяризировал творчество белорусского поэта в газете „Viltis” (1910 г. №1). Среди других литовских периодических изданий, которые посвящали свои материалы белорусскому вопросу, были „Vilniaus Žinios”, „Litwa” [10, 75].

Литовская тематика была характерной и для газеты “Наша Нива”, в которой публиковались первые переводы с литовского на белорусский язык: из журнала „Ežys” [15], рассказы Йонаса Билюноса [16], биографические сведения о литовском поэте Майронисе [17], Жемайте [18]. Нередко в белорусской газете размещалась информация, почерпнутая из литовских газет („Naujoji Gadynė”), объявления о литовских периодических изданиях „Ežys”, „Litwa”, „Lietuvos Ūkininkas”, „Vilniaus Žinios”; польских – “Kurjer Litewski”, “Goniec Wileński”, “Dziennik Wileński” и др. “Наша Нива” осуществляла обмен изданиями с газетами и журналами из Петербурга, Москвы и Киева (42), Вильни (19), зарубежными изданиями из Нью-Йорка, Праги и др. (20) [1, 240, 247].

В № 19 за 11 сентября 1908 г. “Наша Нива” разместила заметку с иллюстрацией “Литоуские газеты”: «Як стаіць нацыянальная справа у суседзяў і сваякоў нашых – литвиноу, выдаць с таго, што яны ў сваёй роднай мове выдаюць аж дзесяць газэт. Ў тым дзеве – штодзённыя, шэсць выходзяць кожная раз у тыдзень, тры – раз у месяц і адна – раз у год; с-памеж их сем друкуюца ў Вильни, дзеве – ў Коўне і адна – ў Сэйнах (Сувальская губ.). Изноў у Вильни нядаўно адкрылася газэта “Litwa”, каторую выдаюць литвины па польску и ў каторай бароняць справы свае прад усими, хто не разумее па литоўску. На рысунку нашым ёсць усе тыя газэты. Меж ими и “Наша Нива” – адна-едзiная беларуская газэціна. А тым часам нас, беларусоў, ёсць 8 ½ мільёноў чалавек; литвиноў жэ и трох мільёноў не набярэцца. За тое литвины шчыра ўзяліся за свае нацыянальнае адраджэньне и працуюць, не пакладаючы рук» [14, 5]. “Тагачасныя летувіска-беларускія дачыненні ў Вільні адзначала шчыра прыязнь. Маладым летувіскаму і беларускаму рухам даводзілася здабываць сабе ў разнамоўнай Вільні месца і роўня з іншымі грамадскія правы” [7, 15]. Таким образом заявило о себе ещё одно идейное направление – союз белорусского и литовского народов.

В “Дневнике” Михала Ромера, одного из лидеров “краёвой идеологии”, приведена интересная характеристика редакции “Нашей Нивы”: «Круг сотрудников “Нашей Нивы” для меня является одним из самых притягательных и симпатичных в Вильне. Есть у них большая искренность воли,

сильная преданность делу, которая воспринимается ими не как механическая работа или профессиональная обязанность, а как живое творчество, как наиболее полное проявление их жизни, их энергии, их воли. Они целиком углублены в своё дело, только им и живут. Каждый из них – особенная личность, каждый имеет выразительную и неповторимую индивидуальность. Определённая шаблонность мыслей и действий, которую часто рождает коллективный труд, у белорусов в целом отсутствует. Яркая индивидуальность каждого из них объясняется искренними, честными отношениями к делу. При энергичной деятельности индивидуальность не нивелируется по определённому шаблону, а развивается, приобретает выразительные контуры, что содействует наиболее полному выявлению личности» [22, 306].

«Высокий уровень толерантности “нашенивского круга”, возможно, был обусловлен тем, что среди белорусской элиты постепенно распространился ещё один вариант национальной идеологии, появление которого было связано с политической активностью литовских и белорусских поляков» [22, 307]. Представляли это движение Михал Ромер, Роман Скирмунт, Констанция Скурмунт, Болеслав Яловецки. С “краёвцами” тесно сотрудничали братья Луцкевичи, которые были “инициаторами осуществления необычного белорусского проекта – издания ежедневной газеты на русском языке и еженедельника на польском» [22, 307]. Этими изданиями стали с 1912 г. виленс-

кие “Вечерняя газета” и “Kurjer Krajowy”, рассматриваемые в качестве ещё одного средства укрепления позиций белорусов в национально-культурной и общественно-политической жизни. Связи с “краёвцами” имели под собой не только идейную основу, но были вызваны также и определённым прагматизмом. Для поддержания белорусского движения, издательской деятельности нужны были материальные средства. Их поиском занимался в основном Иван Луцкевич, который, по существу, «финансировал газету “Наша Нива” да и почти всё белорусское дело в Вильне» [4, 64]. Сложность вопроса была в том, что белорусы почти не имели своей торгово-промышленной буржуазии [3], богатой элиты, признающей себя белорусской. Только считанные белорусские поляки поддерживали национальное движение: Магдалена Радзивил, Роман Скирмунт, Михал Ромер, Тереза Горделковская. В организацию печати в Вильне Луцкевичи вложили все свои наследственные сбережения [4, 62], оказывал материальную помощь виленский мещанин Александр Власов, единственный из “нашенивцев” имевший прибыль с собственного фольварка [4, 63], сочувствующий виленский белорус Зигмунт Наградский. Долги за издательские расходы часто покрывались благодаря продаже антикварных вещей (кроме белорусских, собиравшихся И. Луцкевичем для белорусского музея).

В 1912 г. редакция газеты после обсуждения вопроса о графике издания принимает решение о печати только “русскими

буквами» (с № 43 от 24 октября), что дало и определённую экономию средств [1, 249]. Со временем, особенно в последние годы существования, «Наша Нива» уже имела значительное количество платных подписчиков, а улучшение материальной стороны способствовало организации книгоиздания (Зборнікі «Нашай Нівы», «Беларускі каляндар» – с 1910 г., тираж 20 тыс. экз.) и созданию новых издательств: «Саха», «Наша Хата», «Палачанин», «Беларускае выдавецкае таварыства», «Vielarus». В это же время в Вильне открылся и Белорусский книжный магазин В. Ластовского, при котором он с семьёй жил до 1918 г. и собирал коллекцию белорусских древностей [4, 65].

Однако масштабы белорусского национального движения были несравнимы с литовским, взявшим за основу этноязыковую путь создания национального государства. Для белорусского движения основными характеристиками того же этноязыкового пути оставались культурно-просветительская деятельность и культурная толерантность, что, как оказалось, неизбежно привело к противоречию с национальной идеей формирования государственности.

Соперничество политиков (А. Луцкевич, В. Ластовский, В. Ивановский) в вопросе выбора наиболее подходящего для Беларуси пути (с Польшей, Литвой или, по-прежнему, с Москвой, только на «новых федералистских» условиях) привело летом 1918 года к расколу БСГ [24, 204]. Отсутствие национального госу-

дарства не оставило шансов сформировать государственный (гражданский) вариант национальной идеи, общей для поляков, литовцев и белорусов.

Тем не менее, многонациональное пространство Города-столицы, культурные взаимовлияния содействовали выявлению и кристаллизации национального самосознания, восхождению белорусской культуры к вершинам общечеловеческих ценностей. Вильню «не разделишь, не разрушив, а разделив – не приобретешь. Поэтому спорить следует не о принадлежности Города, а о принадлежности Городу. <...> Все аргументы текущей политики слабы перед фактами многовековой культуры» [5, 154]. Ведь как писал в 1918 г. белорусский литератор и политик Антон Луцкевич в виленской белорусской газете «Гоман», «этот город был колыбелью [для белорусов и литовцев – Л.Д.] во времена рождения их культур» [5, 146]. И какими бы ни были интерпретации исторических реалий белорусов и литовцев в прошлом и настоящем, Вильня будет всегда иметь притягательную силу, ибо в ней заключена точка отсчёта рождения и формирования национального самосознания тех и других, а общее культурное пространство с его взаимопроникающей силой всегда будет спасительным для каждого из них. Для белорусов же Вильня – это и место возрождения национальной печати, которая в свою очередь стала уникальным феноменом не только нобилизации белорусского языка, литературы, книги, культуры, но и белорусской нации.

ССЫЛКИ

1. АЛЕКСАНДРОВІЧ, С. *Гісторыя і сучаснасць: літаратурна-крытычныя артыкулы*. Мінск: Беларусь, 1968, с. 213–249.

2. АЛЕКСАНДРОВІЧ, С.Х. *Пуцявіны роднага слова: праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX–пачатку XX стагоддзя*. Мінск: Выд. БДУ, 1971, с. 49–51.

3. БІЧ, М. *Беларускае Адраджэнне ў XIX–пачатку XX ст.: гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі*. Мінск: Навука і тэхніка, 1993, с.16.

4. ВІТАН, К. “Наша ніва” і Іван Луцкевіч. In *На суд гісторыі: Успаміны. Дыялогі*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994, с. 61–65.

5. ДУБАВЕЦ, С. *Русская книга*. Менск: БГАКЦ, 1998, с. 146–154.

6. *Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей*. Москва, 1958, Т. 3, с. 1018–1019.

7. КАЙРЫС, С. 3 маіх успамінаў пра Цётку. In *На суд гісторыі: Успаміны. Дыялогі*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994, с. 14–15.

8. КІСЯЛЁЎ, Г. *Радаводнае дрэва: Каліноўскі – эпоха – наступнікі*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994, с. 24–29.

9. *Кніга Беларусі, 1517–1917*: зводны каталог. Мінск: БелСЭ, 1986, с. 238.

10. ЛАПІНСКЕНЕ, А.П., МАЛЬДЗІС, А.І. *Перазовы сяброўскіх галасоў: Беларуска-літоўскае літаратурнае ўзаемадзеянне ад старажытнасці да нашага часу*. Мінск, 1988, с. 52–75.

11. ЛАСТОЎСКІ, В. *Выбраныя творы*. Мінск: Беларускі кнігазбор, 1997, с. 415.

12. ЛУЦКЕВІЧ, А. *За дваццаць пяць гадоў (1903–1928): успаміны аб працы першых*

палітычных арганізацыяў: Беларуская Рэвалюцыйная Грамада, Беларуская Сацыялістычная Грамада. Вільня: Беларускае Выдавецкае Таварыства, 1928, с. 32–35.

13. *Наша Ніва*, 1906, 10 лістапада (№1), с. 1.

14. *Наша Ніва*, 1908, 11 студзеня (№ 19), с. 5.

15. *Наша Ніва*, 1908, 25 верасня (№ 20), с. 8.

16. *Наша Ніва*, 1909, 17 снежня.

17. *Наша Ніва*, 1913, 15 лютага, 1914, 9 студзеня.

18. *Наша Ніва*. 1915, 12 чэрвеня.

19. Рэцэнзія М. Акцяліцка на пераклад “Пана Тадэвуша”. In *Пачынальнікі: з гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст.* Уклад. Г. В. Кісялёў. Мінск, 1977, с. 138–142.

20. РАДЗІК, Р. Пецярбургскі “Томан» як пачынальнік беларускай нацыянальнай ідэі ў XIX стагоддзі. In *Нацыянальныя пытанні: матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый”*. 1 сесія – 21–25 мая. 2 сесія – 4–7 снежня, Мінск, 2000 г. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001, с. 85. (Беларусіка=Albaruthenica, кн. 22).

21. САКАЛОВА, М. “Народная воля”. In *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*. Мінск: БелЭн, 1999, т. 5, с. 284.

22. СМАЛЯНЧУК, А. Беларуская ідэя ў кантэксце нацыястваральных працэсаў у Еўропе (пачатак XX стагоддзя). In *Дыяспара. Культуралогія. Гісторыя: матэрыялы IV Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў кантэксце культур Еўрапейскіх краін»*, Мінск, 6–9 чэрвеня 2005 г. Мінск: Голас Радзімы, 2006, с. 305–307. (Беларусіка=Albaruthenica, кн. 28).

23. ТУРОНАК, Ю. *Мадэрная гісторыя Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006, с. 22–29.

24. ЯНУШКЕВІЧ, Я. *За архіўным парогам*: Беларуская літаратура XIX–XX стагод-

дзяў у святле архіўных пошукаў. Мінск: Мастацкая літаратура, 2002, с. 204.

25. WASILEWSKI, L. *Litwa i Białoruś: przeszłość – terażniejszość – tendencje rozwoju*. Kraków, 1912, s. 164.

THE ROLE OF VILNA IN THE RENAISSANCE OF BELARUSIAN PRESS IN THE EARLY 20TH CENTURY: IDEOLOGICAL AND PERSONAL RELATIONS

LARISA DOVNAR

Abstract

The role of Vilna as the general cultural area in the genesis of the national form of the Belarusian book culture is analysed. The way of forming the national self-consciousness, the national idea of the Belarusians in the sphere of the dominating types of culture (Polish, Russian), different political tendencies in which the most important part was played by national print are retraced.

Attention is focused on the development of periodical press in Belarusian in the early

20th century (“Nasha Dolia”, “Nasha Niva”) in the multinational Vilna area. First of all, there are displayed the Belarusian–Lithuanian idea and personal intercommunications which are confirmed by publishing activities. The author concludes that Vilna was the place of the Renaissance of the Belarusian national print which became a unique phenomenon of nobilitation of the Belarusian language, literature, book and the Belarusian nation.

VILNIAUS VAIDMUO XX A. PRADŽIOS BALTARUSIŲ SPAUDOS ATGIMIMO PROCESĖ: IDĖJINIAI IR ASMENINIAI RYŠIAI

LARISA DOVNAR

Santrauka

Straipsnio metodologinis pagrindas – Vilnius kaip bendra lietuvių ir baltarusių kultūrinė erdvė ir kultūrinė atmintis. Per ryšius su kitomis tautomis tame pačiame kultūros kontekste kristalizavosi sudėtingas baltarusių nacijos tapatybės paieškos procesas (sambūvis toje pačioje daugiacionalinėje aplinkoje ir kultūrinės tolerancijos išlaikymas). Straipsnyje parodyta baltarusių knygos kultūros nacionalinės formos genezė at-

sižvelgiant į dominuojančius kultūros tipus: lenkų kultūrą ir rusų kultūrą (po 1864 m.), taip pat susiejant su idėjiniais judėjimais (šviečiamuoju, nacionaliniu išsivaduojamuoju, narodnikų, socialdemokratų). Idėjinės lenkų, baltarusių ir lietuvių sąveikos pastebimos V. Dunino-Martinkevičiaus, M. Akelaičio, A. Kirkoro, V. Korotinskio, K. Kalinausko (1850–1860), M. Jankaus, M. Abramovičiaus, Š. Boguševičiaus,

Z. Nagrodskio, J. Karlovičiaus, V. Ančico (XIX a. paskutinis dešimtmetis), A. ir I. Luckevičių, V. Ivanovskio, A. Paškevič, A. Burbio, S. Kairio, V. Biržiškos (XX a. pradžioje) veikloje. Nagrinėjamos baltarusių spaudos atgimimo sąlygos, lyginant jas su lietuvių ir ukrainiečių. Ypatingas dėmesys skiriamas pirmiesiems legaliems Vilniaus laikraščiams baltarusių kalba – „Naša dolia“ ir „Naša niva“ (1906), siejamiems su politine organizacija „Belaruskaja sacylističnaja gramada“ ir idėjine bei asmenine lenkų ir lietuvių sąveika – partine, nacionaline, kultūrine, literatūrine, publicistine, leidybine, spaustuvine, knygų prekybos. Laikraštis „Naša niva“ (1906–1915), spausdintas kirilikos ir lotyniškuoju šriftais, o po

1912 metų – tik kirilikos, tapo baltarusių nacionalinio gyvenimo centru. Jis palaikė ryšius su tokiais lietuvių kultūros veikėjais kaip J. Biliūnas, Liudas Gira, K. Stiklius, M. K. Čiurlionis, M. Lastauskienė, S. Pšibiliauskienė, G. Landsbergis-Žemkalnis, A. Jakštas, S. Šimkus ir kt. „Naša nivos“ bendradarbių tolerancijos lygį yra pabrėžę tokie politikos veikėjai kaip M. Römeris. Kultūrinė šviečiamoji veikla, kartu ir leidybinė, vyravo formuojant baltarusių etnokalbinių nacionalinę idėją. Todėl Vilnius baltarusiams – tai vieta, kur radosi nacionalinė spauda, tapusi ne tik baltarusių kalbos, literatūros, knygų, kultūros, bet ir baltarusių tautos žadinimo fenomenu.

Įteikta 2008 m. lapkričio mėn.